После отъезда Жун Тяня в Юэчжун из двух господ остался один.

Больше всего боясь вызвать у всех беспокойство, Фэн Мин скрыл грусть, лишь нарядился, всем сердцем ожидая отправиться в кругосветное путешествие. Жун Ху, уже заметив его разочарованный вид, незаметно направился к министру посоветоваться. На что Ле Чжунлю возразил:

— Раз уж решили — непременно надо делать, а то вот-вот испробуем вкус печали вместе с желанием свободно объехать весь свет, завоёвывая славу умного человека, не зависящего от государя Силэй. А находиться под покровительством императорского рода разве не малозначимое дело? Ваш князь Мин когда-то спорил со вдовствующей императрицей насчёт женитьбы государя, тогда его слова разве не звучали крайне ужасающе? К чему одновременно стараться отведать и рыбу, и медвежью стопу[1]?! Лучше подумай над его словами, что были сказаны тогда.

Вернувшись, Жун Ху передал слугам возражения министра, отчего Цю Юэ заскрежетала зубами от злости и, сверля гневным взглядом, проговорила:

— Не думала, что он такой бессовестный человек, ему слишком поздно жалеть князя Мина, вот и сказал несколько ехидных слов.

Цю Син кивнула, поддакивая:

— Верно, как в воду глядела — он не дружелюбный человек, только чуточку умный, не более.

Однако Ле-эр возразил:

— Я же считаю, что министр прав.

На что близняшки тотчас же недовольно и с гневом уставились на Ле-эра.

Боясь, что сейчас начнётся скандал, Цю Лань спешно стала мирить их:

— Князю Мину и без того плохо, если вы ещё поссоритесь, то заставите князя Мина чувствовать себя ещё хуже. — Слова служанки возымели эффект, и Ле-эр с близняшками прекратили шуметь.

Посидев немного в тишине, Ле-эр всё же не выдержал и встал:

— Пойду проведаю князя Мина.

Оставшись один в комнате, Фэн Мин искал, чем себя занять, но так и не нашёл, зато смутно услышал какие-то голоса снаружи, и как только показалась мордашка Ле-эра, который, вытянув шею, заглянул к нему, князь Мин вздохнул с облегчением, говоря:

— Куда вы все ушли? Мне одному здесь скучно.

И поскольку Жун Тяня не было рядом, толпа слуг ввалилась в комнату без особого стеснения и сразу же расселась по удобным для неё местам. Цю Юэ, сев у кровати, увидела лежащий в изголовье свёрток, приподняла, заглядывая внутрь, и прыснула со смеху:

— Князь Мин сам собрал вещи? И сделали совершенно не так, как надо, будет очень неудобно нести этот свёрток.

Сидящая рядом Цю Син, которая ни на секунду не расставалась с близняшкой, посмотрела через плечо и тоже сказала со смехом:

— И впрямь такое ощущение, что отправляетесь в дальний путь.

На что сам князь насмешливо отозвался:

— Очень неудобно? Я думал, что, наоборот, хорошо с этим справился.

Когда Жун Тянь находился рядом, князь всегда был в приподнятом настроении, резвился и вёл себя очень оживлённо, но сейчас, когда император Силэй только-только покинул его, Фэн Мин чувствовал, что его словно лишили души, и, несмотря на смех, всё равно его охватывала лёгкая печаль.

От одного взгляда на него Цю Лань испытывала сожаление, потому мягко проговорила:

— Князь Мин ведь не простолюдин, неужели нельзя всерьёз озаботиться его вещами? Ведь ответственность за одежду и прочие вещи Его Светлости несём мы, Ваши служанки.

На что князь покачал головой:

— Это не мои вещи, их оставил Жун Тянь, я же всё это время бездельничал, а когда увидел их, немедленно обернул куском ткани, чтобы не пылились.

— Князь Мин, я зашёл попрощаться, — внезапно вскочив, сказал Ле-эр.

Чем напугал князя:

— Так скоро?

Ле-эр добавил:

— Дело крайне важное, пораньше выполню, пораньше освобожусь. Мои вещи уже собраны, так что мне нужно немедленно отправляться в путь.

Смерив юношу полным горечи взглядом, Фэн Мин прошептал:

— Если случится какая-нибудь беда, ты, невзирая ни на что, сперва позаботься о себе.

На что телохранитель, смеясь, ответил:

— Кроме Юн И, все в царствующем доме Юнъинь сборище ничтожеств, какая беда может случиться? Князю Мину не стоит переживать, гарантирую, очень скоро Вы получите хорошие вести. — Обратившись к князю, юноша поклонился со сложенными у груди руками, после чего обернулся и, слегка кивнув Жун Ху, своевольно проронил: — Старший брат, я ухожу. Оставляю князя Мина под твою ответственность. Да, кстати, если получите моё письмо с просьбой о деньгах, то обязательно отправьте их мне вместе с людьми.

— Успокойся, господин министр уже приказал, сколько тебе понадобится, столько я и дам, — предупредил Жун Ху. — Только это всё — имущество князя Мина, тебе нельзя транжирить слишком много денег.

— Кто транжирит? Неужели у меня своих денег нет? Даже если моих денег не будет, Юн И всё равно не позволит мне голодать. — И Ле-эр, состроив гримасу, с самодовольным видом вышел из комнаты.

Проводив Ле-эра до больших ворот и глядя на удаляющийся непринуждённый силуэт своего телохранителя, князь тяжело вздохнул со словами:

— Теперь даже Ле-эр ушёл, когда уже я отправлюсь в путь?

На что Жун Ху, несущий ответственность за это дело, отозвался:

— Ваш подчинённый давно отправил людей, чтобы связаться с Ло Дэнем, кроме кораблей, нужно подождать людей-наёмников семьи Сяо для дополнительной защиты князя Мина. Как только всё будет готово, тогда князь Мин отправится в путешествие.

— То есть понадобится много времени?

— В большей мере уйдёт дня четыре, а может и пять.

— Четыре-пять дней? — Фэн Мин состроил плачущую гримасу. — Жун Тянь уехал, Ле-эр тоже, даже Цзы Янь отправился вслед за Жун Тянем. Мне скучно до смерти, как тогда, когда был заперт во дворце наследного принца.

Жун Ху хмуро вернул:

— Как может быть скучно? Князю Мину столько дел нужно сделать, эти четыре-пять дней, боюсь, крайне малый срок. Мне тоже много чего предстоит подготовить, князь Мин, я отправляюсь первым.

Но Фэн Мин, схватив его, с удивлением сказал:

— Ты только что сказал, что у меня есть дела, которые нужно переделать?

— А господин министр Вам ничего не говорил?

— Не говорил что?

— Князь Мин, — стоящая сзади Цю Юэ осторожно ткнула в спину господина, — князь Мин, посмотрите — пришли два весельчака.

Князь повиновался и поднял голову.

И действительно, два огромных силуэта Ле Чжунши и Ле Доу вновь возникли в поле зрения. Но у Ле Чжунши на этот раз было послание от Ле Чжунлю.

— Старший брат говорит: перед тем, как князь Мин отправится в путешествие, ему обязательно нужно уладить кое-какие дела.

Дождавшись, когда Фэн Мин вместе со свитой вернётся в комнату, Ле Чжунши пересказал всё слово в слово, как велел ему старший брат:

— В государствах, куда отправится князь Мин, ему наверняка повстречается множество различных людей, которые могут тотчас же засыпать вопросами. Поэтому князю Мину стоит заранее обдумать, что он ответит им, когда наступит решающий момент, молчанием отвечать нельзя, а при неправильных ответах Вас поднимут на смех.

Парень говорил громче, чем обычно, да так, что с кровли сыпалась пыль.

Однако сам же князь одобрил замечание господина министра и, кивнув, произнёс:

— Да, министр всё тщательно обдумал, я как раз боюсь этих вопросов на засыпку.

Особенно он боялся вызвать своей некомпетентностью международный скандал. Молодое и хрупкое сердце не находило себе места.

На что Цю Лань, нахмурившись, вмешалась:

— Но ведь нам неизвестно, что спросят люди?

— Об этом можешь не тревожиться, — и Ле Чжунши наивно искривил губы в улыбке. — Старший брат уже подготовил вопросы, князю Мину нужно лишь записать их на бумагу, чтобы как следует обдумать каждый из них.

Фэн Мин очень обрадовался: Ле Чжунлю действительно всегда был готов прийти на помощь, даже не пришлось самому напрягать мозги — господин министр всё за него подготовил. Князь приказал Цю Юэ принести шёлковую бумагу и кисть, после чего, растерев тушь, он состроил гримасу прилежного ученика и стал ожидать, когда Ле Чжунши заговорит.

— Я буду говорить, а Вы — записывайте.

— Начинай!

— Первый вопрос: Жун Тянь уже не является императором Силэй, поэтому в каком статусе князь Мин отправился в поездку по странам? Не нужно ли лишить князя Мина титула? Следует иметь в виду, что Жун Тянь пожаловал князю Мину этот титул, но раз уж сейчас престол Силэй занимает другой император, то титул князя Мина больше не действителен.

— Угу, этот вопрос очевиден, если они так спросят, то я отвечу…

— Спокойно, не нужно горячиться. — Несмотря на свой огромный рост, Ле Чжунши умело подражал чужой интонации и движениям: выставил руку вперёд и, переняв в точности манеры Ле Чжунлю, добавил: — Князь Мин сначала запишет все вопросы, а потом не спеша их обдумает.

— Ага, хорошо.

— Второй вопрос…

— Третий вопрос…

— Четвёртый вопрос…

— Пятый…

Два часа спустя.

— Ещё долго? — зевнув, спросила Цю Юэ у рядом сидящей и также зевающей сестры.

— Кто его знает? — сама же Цю Син сидела оцепенев. — Ох, мамочки, этот Ле Чжунши крайне причудливый человек, да? Столько много вопросов, и как он мог их все запомнить?

Стоящий у письменного стола Ле Чжунши по-прежнему продолжал уверенно и очень убедительно зачитывать наизусть:

— Девяносто седьмой вопрос: не относящийся к материку Даньлинь является лишь островом, поэтому будет ли стратегия императора Силэй в отношении этой страны такой же, как к другим странам, или будет отличаться?

До этого оживлённый Фэн Мин уже начал напоминать пожухлую от мороза пшеницу, а Ле Чжунлю, передавший столько вопросов, казался ему настоящим чудовищем. Неужели он, воспользовавшись отсутствием Жун Тяня, решил поиздеваться над ним?

На самом деле Фэн Мин считал, что Ле Чжунши передаст ну максимум вопросов восемнадцать, кто ж знал, что он разольётся беспрерывным потоком реки Хуанхэ[2] и будет диктовать, не останавливаясь.

На столе везде как попало лежали[3] шёлковые «листы» с вопросами, если их сложили бы по порядку, то наверняка получилась бы толстая тетрадь или даже больше.

Покончив с девяносто седьмым вопросом, Ле Чжунши вновь подал голос:

— Девяносто восьмой вопрос…

— Ещё? — Князь внезапно задрожал.

Цю Лань, смотря на несчастного и на слова, которые также становились всё более беспорядочными, мягко проговорила:

— Князь Мин устал, позвольте Вашей служанке дальше продолжить. — И, забрав кисть из рук господина, написала аккуратным почерком вопрос.

Цю Син подала горячий чай, предлагая Фэн Мину отдохнуть. А её сестра, не выдержав, спросила:

— Эй, а сколько вообще министр велел передать вопросов князю Мину, а?

Фэн Мин тотчас же навострил уши, напряжённо слушая ответ.

Этот эксцентричный Ле Чжунлю не подготовил же толстую энциклопедию вопросов? Иначе князь умрёт в этой комнате, так и не отправившись в путешествие.

Ле Чжунши честно ответил:

— Сто.

— Фух… — вздохнул Фэн Мин с облегчением, — благо, что не тысячи.

— Но…

Что ещё за «но»? Расслабленные нервы несчастного князя Мина вновь напряглись.

— …старший брат сказал, что затем послезавтра сделает первый шаг — спросит ответы на все заданные вопросы. Поэтому князю Мину сегодня нужно как следует поразмышлять над ответами.

Будет спрашивать ответы? М-м, вполне себе ожидаемо. Если спросил, то обязательно нужно будет ответить.

К тому же времени на размышления много — ещё целых два дня и два вечера, если ничего не придёт на ум, то можно будет спросить Жун Ху, Цю Лань и близняшек. Хо-хо, и за жульничество это не считается.

Как бы там ни было, а сотня вопросов наконец-то была записана, и Ле Чжунши, явно получивший от Ле Чжунлю другое поручение, закончив с вопросами, спешно покинул комнату, взяв с собой Ле Доу и Сяоцю. А на столе — с восточного края и до западного — растянулся тонкий исписанный тушью шёлк.

Окружавшие господина Цю Юэ и Цю Син подняли взгляд и, нахмурив брови, горько улыбнулись:

— Сейчас князю Мину не стоит печалится о скуке.

— Боюсь, что при написании ответов на эти вопросы руки могут оторваться.

— Да, к тому же князь Мин пишет очень медленно.

Князь, глядя на кучу вопросов, стал почёсывать затылок: сотня вопросов уже вызывала головную боль, а чем больше вопросов, касающихся острых политических проблем, тем сильнее болела голова. После долгого почёсывания Фэн Мин решил пойти напролом и скрепя сердце проронил:

— Ох, писать так писать. Этот князь Мин решил бродить по свету, а теперь боится кучи каких-то вопросиков? Цю Юэ и Цю Син, подайте кисть и тушь. — И, подняв подол платья, сел за стол, принял соответствующую позу и действительно с серьёзным видом начал размышлять, как ответить.

Жун Тянь уже уехал, предающийся любовным забавам Ле-эр покинул Юэчжун, и больше не было никого, кто мог бы побеспокоить увлечённого и усердного Фэн Мина. Увлажнив кисть тушью, которая потом капала на шёлк, князь ломал голову[4] над вопросами, с удручённым видом размышляя над ответами, так как сам лишь поверхностно был знаком со сложными международными отношениями, потому на раздумье одного вопроса уходило много времени.

Но иногда его внезапно посещала мысль, и окрылённый князь с удовлетворённой и радостной улыбкой тотчас же начинал лихорадочно писать. Действительно, стремление найти снисходительный выход вырвалось наружу, и чем дальше находился Жун Тянь, тем больше шевелился ленивый мозг князя.

К вечеру, управившись со своими делами и вернувшись в комнату, Жун Ху, увидев упорно трудящегося господина Мина, невольно похвалил:

— Князь Мин очень старательный. Господин министр дал слишком много заданий?

— Жун Ху, ты как раз вовремя, — закончил писать князь и, радостно «сцапав» телохранителя, подвёл к столу, после чего указал на только что написанное: — Можешь посмотреть на мою версию насчёт преподнесённой императором Дунфань страны?

Жун Ху повиновался и, взяв шёлковый «листок», поглядел на потёкшие следы туши, слегка поблёскивавшие на свету; было заметно, что это всё написали только сейчас — тушь ещё не успела высохнуть.

— Император Дунфань даровал свою страну по трём причинам, — бормотал Жун Ху, читая. — Первая причина — в Дунфань вспыхнула редкая болезнь, и войска были не в состоянии сохранить себя. Вторая причина — высокоранговые сановники делились на две фракции, и господин советник — Лу Дань — боялся, что после его смерти никто не сможет дать отпор мятежникам, которые захотят захватить престол и будут угрозой императору Дунфань. Причина третья…

— Третья причина вполне очевидна — потому, что они заметили мощь как Жун Тяня, так и мою, — очень довольно ответил Фэн Мин и также довольно вскинул голову.

На что Жун Ху кивнул со словами:

— Войска, влияние и знатность в сочетании с репутацией «преемника» — можно считать, что ответ слаженный и чётко сформулированный.

Стоящие в стороне близняшки с одинаковым рвением подбадривали князя:

— Князь Мин и впрямь потрясающий, даже во время обеда всё пишет, уже ответив на тринадцать вопросов.

— Хватит об этом, — сказав, Цю Лань качнула головой. — Даже тушью чуть не капнул в горячий бульон. Эх, князь Мин, когда не работаете, даже краем глаза не смотрите на тушь и кисть, а как внезапно принялись за работу, то неожиданно времени на еду найти не можете. Мне всё равно, но на письменный стол ужин я не поставлю. Сначала хорошо поешьте, а потом продолжите писать.

Князь, не став спорить с ней, отправился ужинать в дальнюю столовую, а после еды поспешил к себе, чтобы поразмышлять при свете свечей, но когда служанки встали над душой, только тогда Фэн Мин послушно отправился спать.

За выполнением задания прошло два дня и две ночи, вместе с оставшимися служанками Фэн Мин так усердно работал, что в глазах становилось темно, но как бы то ни было выполнил большое дело.

— Закончил! Ура!

После ответа на сотый вопрос князю казалось, будто он выполнил огромную инженерную работу и, открыв слегка красные глаза, радостно закружился по комнате.

Цю Лань, поджав губы, улыбнулась:

— Небеса, наконец-то дописали. Вот только господин министр ещё не читал, поэтому неизвестно — прошли Вы испытание или нет.

На что Фэн Мин деловито ответил:

— Этот князь вложил всю душу в их написание, пусть не в восемьдесят, но по крайней мере в шестьдесят ответов. Когда придет господин министр и прочтёт страницу за страницей, по крайней мере похвалит за трудолюбие.

— Князь Мин, скорее посмотрите! Снова пришли эти два весельчака! — внезапно указала на окно Цю Юэ, крикнув. — Сяоцю, Сяоцю, иди сюда — поиграем!

На плече Ле Чжунши, который пришёл вместе с Ле Доу, сидела Сяоцю. За то время, что они виделись, животное и Цю Юэ постепенно подружились; услышав, что её позвали, Сяоцю громко пискнула и, спрыгнув с плеча Ле Чжунши, приземлилась на подоконник, а оттуда точным прыжком — в протянутые ладони девушки, после чего замахала хвостом, приветствуя её.

— Ле Чжунши, я уже письменно ответил на все сто вопросов! — Князь так долго корпел над ответами, что сейчас казалось, будто он был рад, написав огромное сочинение, и ждал, когда учитель поставит за это оценку. Увидев, что вошёл Ле Чжунши, Фэн Мин подозвал со словами: — Идём повидаться с господином министром, посмотрим, удовлетворят ли его мои ответы.

На что Ле Доу покачал головой, крича:

— Не ходите! Не ходите!

Фэн Мин опешил:

— Почему?

— Старший господин сказал: если войдёте, то тотчас же унюхаете запах разведённой туши, следовательно нам надо глянуть лишь один ответ, и всё.

— А? Лишь один ответ? — с удивлением переспросила Цю Юэ. — И на какой же вопрос?

Являясь словно качественным и превосходным «телефоном», запоминающим и передающим каждое слово, как того хотел Ле Чжунлю, Ле Чжунши отчеканил:

— На тринадцатый: почему император Дунфань даровал свою страну?

— Почему был дарован Дунфань? А-а, я понял, погоди немного. — Фэн Мин бросился к столу и, переворачивая двумя руками толстую стопку шёлка, вскоре отыскав в этой кипе нужное, поднял со словами: — Нашёл, вот оно! Причины, касающиеся вопроса, почему император Дунфань даровал свою страну.

Кто бы мог предвидеть, что Ле Чжунши, лишь окинув взглядом, коротко ответит:

— Ответ полностью неверен.

Фэн Мин остолбенел:

— Неверен?

Кроме того ещё и «полностью»? Не может быть, по крайней мере ему же поставят «тройку»?

Возмущённая несправедливостью Цю Син пожаловалась от лица князя:

— Здоровяк, не нужно зря болтать, прочесть всё не прочёл, а говоришь, что князь Мин полностью неверно ответил, зачем же ты так?

— Верно! Ты совсем ничего не прочёл.

Пожав плечами, Ле Чжунши сделал сочувствующий вид, который словно говорил «рад бы помочь, да не в силах»:

— Старший брат сказал, что на этот вопрос нужно ответить двумя словами, а князь так много всего написал, что, конечно же, является неправильным.

— Какими двумя словами? — полюбопытствовала Цю Лань.

Стоящий рядом и пребывающий в смертной скуке Ле Доу опередил своего господина, спешно выпалив:

— Эти два слова — воля Неба.

— Воля Неба? — Фэн Мин вновь стал ерошить волосы, почёсывая затылок.

Очень… глубокий ответ. Только Ле Чжунлю мог додуматься до такого.

— Почему это воля Неба, а?

— Я передал сказанные мне старшим братом слова, теперь мне надо идти, — проговорил Ле Чжунши.

На что князь спешно спросил:

— Господин министр больше ничего другого не говорил?

— Говорил. Старший брат сказал, что очень занят, и просит князя Мина его не тревожить.

— А?

Нужно отыскать Ле Чжунлю, чтобы расспросить как можно подробнее. Но Цю Юэ не хотела расставаться со зверьком и, забавляясь с Сяоцю, проговорила:

— Позвольте Сяоцю остаться и поиграть с нами.

Ещё слова не стихли, а Сяоцю словно поняла, о чём именно идёт речь, и громко пискнула, будто боясь, что её бросят, после чего внезапно прыгнула на плечо к Ле Чжунши, крепко коготками вцепилась в его одежду, всем видом показывая, что оставаться здесь она не намерена.

Близняшки с огорчением вздохнули. Выпроводив Ле Чжунши, Фэн Мин вернулся к себе и, посмотрев на «выдающиеся подвиги», беспорядочно лежащие на столе, невольно расстроился.

За редкое старание и увлечённость Жун Тянь, будь он здесь, похвалил бы его неизвестно сколько раз. А вот Ле Чжунлю как раз наоборот: видеть не видел, а заставил прийти своего брата, чтобы узнать ответ, полагаясь на который сразу же отклонил работу князя. Очень безжалостный учитель…

Увидев разочарованного господина, Цю Лань проговорила:

— Князь Мин, я всё уберу.

— Князю Мину не стоит огорчаться, в любом случае задачи господина министра можно считать решёнными. Мы все готовы подтвердить, что князь Мин может немного отбросить в сторону свою лень, — прощебетали стоящие поблизости близняшки.

Как раз в этот момент в комнату вошёл Жун Ху и, найдя атмосферу крайне странной, с удивлением спросил:

— Что произошло?

На что Цю Лань прошептала:

— Министр, подумать только, заставил князя Мина в поте лица писать всякие ответы и даже не потрудился взглянуть на них. Ещё сказал, что очень занят и попросил князя Мина не беспокоить его, — подробно передала она слова Ле Чжунши.

Услышав это, Жун Ху немного задумался, а после проговорил:

— Государь сказал: замыслы господина министра глубоки, словно искусство владения мечом, к тому же ему нравится, когда лезвие скользит, как парящий дракон[5]. Воля Неба… Хм, эти два слова кажутся простыми, но на самом деле несут в себе крайне глубокий смысл. Князю Мину лучше хорошенько поразмыслить над словами министра.

Сидящий на стуле князь как раз уставился в одну точку, но услышав, о чём говорит Жун Ху, пришёл в себя и, тихо кивнув, произнёс:

— Воля Неба… — Вот-вот нужно отправляться в путь, к тому же без Жун Тяня, значит, на этот раз князю обязательно нужно как следует пораскинуть мозгами, и только тогда он сможет понять слова Ле Чжунлю.

Следующие несколько дней господин министр действительно совершенно не показывался на глаза.

Следуя совету Жун Ху, Фэн Мин тщательно и всерьёз пересмотрел сотню вопросов Ле Чжунлю и теперь размышлял над значением слов «воля Небес», а поскольку сейчас он вёл себя крайне послушно, а не бегло читал заданное, даже Цю Лань с улыбкой сказала:

— Князь Мин больше повинуется приказам господина министра, чем государя.

Большое путешествие по всему миру незаметно уже нависло[6] над головой.

Через пять дней отправленный Жун Ху гонец прибыл с весточкой. Через четыре дня Ло Дэнь, управляющий семейным делом семейства Сяо, пришвартует корабль к причалу неподалёку от Юэчжун, к тому времени группа людей Сяо Цзуна также прибудет, чтобы сопровождать своего молодого, но уже всемирно известного господина.

— Великий день наконец-то настал!

Жун Ху, узнав новости, примчался доложить Фэн Мину:

— Господин министр уже получил последние новости. Также он сказал, что в горах есть кратчайший путь, который позволит нам через четыре дня дойти до указанной Ло Дэнем пристани.

Цю Юэ воскликнула:

— Неужели сегодня отправляемся?

— Верно, сегодня и немедленно.

Наконец-то долгожданное путешествие вот-вот начнётся! Толпа возбуждённо загалдела.

От мысли, что они уже скоро отправятся в дорогу, князь незаметно для себя приободрился, глаза просияли, а сам он поговорил:

— Прекрасно! Все вещи Цю Лань уже приготовила, у меня тоже всё готово. Пойдём проведаем господина министра, и можно ехать. Вот только если при встрече господин министр спросит о смысле его «воли Неба», что делать? Ему нравится мучить меня вопросами… — хмуро сказал Фэн Мин. — Я последние дни всё думал и смутно уловил суть, вот только не знаю, как озвучить свои мысли.

— Князь Мин, не волнуйтесь так! — И Жун Ху со смехом продолжил: — Я только что говорил с ним, и на мои слова, что Вы захотите прийти попрощаться с ним, господин министр ответил, что нет необходимости, в смысле «воли Небес» заключается позволение князю Мину действовать крайне смело, а не мешкать. Успех или поражение — это также является волей Небес, потому не стоит так сильно переживать. Что же касается остальных его значений, князь Мин уже в пути сам поразмышляет.

На что князь с изумлением спросил:

— Господин министр сказал, чтобы мы тотчас же могли отправляться, даже не прощаясь?

— Верно.

В это время на пороге возник Ле Чжунши вместе с Сяоцю и Ле Доу.

Эта парочка неразлучных молодых громадин вместе с маленькой Сяоцю напоминала сиамских близнецов, возникая вместе и уходя вместе. Сейчас они несли на плечах два небольших узла с одеждой, которые внешне размером не отличались, но вот цветом были разные: у Ле Чжунши узел был чёрным, а у Ле Доу — красным, идеально[7] сочетаясь с его одеянием.

Увидев Фэн Мина, Ле Доу проговорил в подтверждение слов Жун Ху:

— Наш старший господин сказал, чтобы князь Мин немедля отправлялся в путь, не нужно прощаться, во всяком случае, очень скоро вы увидитесь.

Фэн Мин, чувствуя себя ребёнком, впервые вышедшим через дальние ворота[8], в конце концов надеялся на прощальный подарок от «родителя» — встречу с Ле Чжунлю, но было очевидно, что сам господин министр планировал не встречаться, а просто взять и «вышвырнуть» его, ввергая в некую растерянность.

Ле Чжунши, постоянно тайком поглядывая на его лицо, внезапно со смехом добавил:

— Старший брат сказал, что если князь Мин огорчится, то при встрече он скажет…

— Что скажет? — Фэн Мин резко поднял голову.

— Старший брат хочет, чтобы я сказал князю Мину, что как только Ваша Светлость сделает шаг из городских ворот Юэчжун, то станет самостоятельным мужчиной, любую зависимость, охватывающую сердце князя Мина, необходимо искоренить, поскольку жизнь каждого человека, следующего за князем Мином, всё же теперь будет зависеть от Его Светлости. Князю Мину понятно?

Внезапно всё понявший князь кивнул со словами:

— Понятно! Понятно!

Ле Чжунлю был прав: причина, по которой князь хотел с ним встретиться перед отъездом, заключалась как раз в стойкой психологической зависимости. Наверное, из-за чрезмерно длительной опеки Жун Тяня, во всяком случае понимая, что кто-то способен принять решение лучше него, князь чувствовал себя спокойно. За пределами Юэчжун ситуация в корне менялась, и теперь не он, князь, должен был зависеть от людей, а люди — от него.

В будущем ответственность за судьбы его последователей ляжет на него. А это всё же и впрямь… огромная ответственность.

— Раз уж прощаться с министром не требуется, то в таком случае, князь Мин, мы отправляемся в путь.

Торжественно кивнув, Фэн Мин обнажил решительность на лице и неспешно перевёл блестящий взгляд на ведущую к воротам щебёнчатую дорожку.

— Храбрецы, отправляемся к реке Оман! — Его голос поднял воодушевлённые крики, которые были достойны пекинской музыкальной пьесы.

Дворец Силэй.

— А! — закричал Тун-эр, до этого спящий на императорском ложе, и весь в холодном поту резко сел. Дрожащей рукой ощупал лоб — холодный, а капельки пота остались на ладони.

Беспорядочные и охваченные паникой звуки шагов раздались за дверью:

— Государь? Государь, с Вами всё в порядке?

Тун-эр на мгновение растерялся, но, узнав голос дядюшки Чжана, который с самого детства Тун-эра приглядывал за ним во дворце семьи Тун, а сейчас являлся его приближённым, вздохнул с облегчением:

— Войди, который сейчас час?

— Спешу доложить Вашему Величеству: небо уже рассвело. — Дряхлое тело дядюшки Чжана медленно направилось вперёд, чтобы раздвинуть шторы в опочивальне государя. Как только окна открылись, яркие лучи солнца многочисленными жёлтыми стрелами внезапно ворвались внутрь. В глазах закололо и помутнело, а сам Тун-эр, вытянув руку, закрылся от солнечного света.

Ослеплённый утренним солнцем, дядюшка Чжан мутным взглядом посмотрел на своего господина:

— Государю… государю вновь приснился кошмар?

Тун-эр кивнул. Сегодняшний сон был крайне беспокойным, заставляя прежнее радостное лицо утратить свой румянец, а сам юноша неожиданно раздражённо пробурчал:

— Все императорские лекари даром едят свой рис, от их помощи никакого проку — повыписывали множество успокаивающих средств, так почему же ни одно из них не действует? Этот император ночь за ночью видит дурные сны, — недовольно фыркнул он. — Если сегодня ночью вновь приснится кошмар, этот император непременно отрубит голову лекарю из рода Чу.

— Государь, ни в коем случае нельзя этого делать, — сказав одну фразу, дядюшка Чжан помедлил. — Ведь он является родным племянником старого генерала Чу. Если его убьёте, то наверняка вызовете гнев его дяди.

На что Тун-эр в нетерпении буркнул:

— Я уже являюсь государем, неужели я всё ещё не могу свести счёты со старым генералом? Этот старик Чу Сяо всё никак не может сдохнуть, ему уже много лет, он давно должен был передать контроль над армией и отправиться домой — есть рис. Но как назло полумёртвый каждый день приходит на аудиенцию императора, более того, этот император посылал в армию своих приближённых людей, которых он тайком разжаловал, одного за другим, даже не обладая достаточной властью над солдатами. По-моему, он изначально специально шёл этому императору наперекор! — Злобный блеск мелькнул в глазах.

На что дядюшка Чжан неспешно ответил:

— С грядущими событиями разберётесь в будущем. Но а сейчас государю нельзя конфликтовать как с генералом Чу, так и с остальными министрами. На случай если Жун Тянь вернётся и станет штурмовать столицу, понадобится поддержка этих людей, чтобы противостоять ему. А когда справитесь с Жун Тянем, тогда и с ними расправитесь незамедлительно. Так что сейчас действовать опрометчиво государю лучше не стоит — потерпите поражение.

Возможно, его неторопливый тон и желание успокоить всё же повлияли на Тун-эра, который, тихо вслушиваясь, постепенно унял гнев, после чего опустил голову и, немного поразмыслив, со вздохом сказал:

— Ладно, этот император сначала разберётся с Жун Тянем, а потом сведёт счёты с каждым из них. — И тень жестокости промелькнула на юном лице.

Спустя минуту он прошептал, вновь обращаясь к дядюшке Чжану:

— Дядюшка Чжан, в последнее время этому императору каждую ночь снятся кошмары, и мысли в беспорядке. Каждую ночь снится сцена убийства: Жун Тянь, держа меч, пронзает меня и моё сердце, а потом вытаскивает его на острие меча… Как думаешь, Жун Тянь может нанести ответный удар по Силэй? Если контратакует… то где отыщет огромную армию, чтобы нанести удар на мою великую державу?

С самого детства почти равняясь на Жун Тяня, да ещё перенимая у него уроки владения мечом, Тун-эр изучил все его повадки как свои пять пальцев. Этот бывший император, у которого он, Тун-эр, отобрал престол, страшил больше, чем кто-либо, ну а когда Тун-эр узнал, что Жун Тянь жив, то вовсе потерял покой и сон.

Знал бы раньше, что дни императора будут наполнены беспокойством, а министры — словно сковывать его, то лучше бы оставался прежним необузданным молодым господином Туном и не следовал подстрекательствам этого типа из рода Юй, и уж тем более не пособничал Лу Даню в поимке Фэн Мина в надежде заполучить престол Силэй.

Теперь он действительно раскаивался. Его матушка являлась принцессой Силэй, а отец был родом из достойной и высокочтимой семьи Тун. С самого детства он, Тун-эр, опираясь на чьи-то слова, сказанные ему, знал, что он — молодой господин почтенного рода Тун — также имел право унаследовать престол Силэй. К тому же он действительно превосходно подходил на эту роль, в сравнении с наследным принцем Силэй, который прятался в стенах императорского дворца.

Тогда он ещё не понимал, какой престол, что за право наследования, но одно понимал точно — он превосходит наследного принца Силэй. Наследного принца? Ань Хэ? Как можно было сравнивать Ань Хэ с ним?

Ань Хэ был трусливым, слабым, ничтожным, глупым, дурным, казалось, все мирские изъяны и дурные манеры у него имелись; этого прячущегося в стенах императорского дворца хлюпика

даже родная матушка-императрица не любила.

Единственным, чем мог похвастаться Ань Хэ, это своим милым личиком. Но стоило Тун-эру увидеть, как Ань Хэ подвергается третированию со стороны Жун Тяня, крайне изумился, внезапно осознав, что даже красивая внешность не может считаться каким-то достоинством.

Титулованная марионетка принца-регента, какая мерзость! Как можно власть Силэй отдать в руки этому ничтожеству? Ни один силэец не согласится на такого императора.

Поэтому, соответственно, Тун-эр, когда Ань Хэ в одиночестве прогуливался по саду, столкнул последнего в воду, не чувствуя, что совершает злодеяние, наоборот, он невольно считал, что совершает нечто важное[9]. В его глазах смерть Ань Хэ ничем не отличалась от убийства клопа.

Только этот клоп, занимающий императорский дворец Тун-эра, слишком долго мозолил глаза, настолько, что вывел Тун-эра из себя и заставил действовать, как только подвернулся удобный случай. Никто бы не обеспокоился одним никчёмным клопом. Но в дело вмешались Небеса, повернув судьбу почти до абсурда, — Ань Хэ явился вновь будто совершенно другим человеком.

Чем больше Жун Тянь, до этого ненавидящий Ань Хэ, сближался с ним, тем больше отдалялся от Тун-эра, с которым у него были довольно хорошие отношения. Тун-эр изначально считал, что Ань Хэ умрёт, а он, в свою очередь, займёт место наследного принца. Когда же он взошёл бы на престол, то роль главного министра отдал бы Жун Тяню, а уж такой важный человек, как Жун Тянь, помог бы ему стать правителем на все времена. Ведь он восхищался, боготворил и уважал Жун Тяня. А в итоге всё пошло наперекосяк.

Ань Хэ не умер, «вернулся» и, более того, снискал ещё больше уважения и почёта. Жун Тянь «заболел» им, министры расхваливали его «дальновидность», он отправился в Фаньцзя, где третья принцесса Фаньцзя должна была его разорвать на восемь кусков, но в итоге, оказалось, Ань Хэ привёз её с собой в Силэй, кроме того, устранил войну, готовую вот-вот разразиться между двумя государствами — Фаньцзя и Силэй. Чем больше по этому поводу возникало мыслей, тем больше создавалось неясности.

Тун-эр день за днём терялся в догадках, и вот наконец-то что-то щёлкнуло! И словно гром среди ясного неба обрушился на его глупую голову — Ань Хэ не наследный принц, Ань Хэ даже теперь не Ань Хэ, теперь его звали Фэн Мин. Самое смешное находилось не на виду, а — позади.

Его предполагаемый главный, верный и опытный министр, который должен был помочь ему стать правителем на все времена — Жун Тянь — на самом деле оказался истинным императором Силэй.

— Государь сожалеет? — шёпотом спросил дядюшка Чжан.

Тун-эр, не найдя слов, хранил молчание.

Сожалеет? Слишком поздно сожалеть.

Кто сказал ему вытянуть руку и слегка толкнуть этого проклятого Ань Хэ? Кто сказал ему, что это лёгкое движение неожиданно увидит эта проклятая служанка, которая оказалась бывшей возлюбленной Ань Хэ? Вопреки ожиданиям кто позволил этой страшной тайне достичь ушей Лу Даня из далёкого Дунфань?

Когда Цай Цин принесла ему тайное письмо от Лу Даня, Тун-эр настолько испугался, что тело прошиб холодный пот. Стоило ли говорить, что покушение на наследного принца, пусть даже фальшивого, также считалось преступлением? Этот красивый, как небожитель, и ядовитый, словно змея и скорпион[10], наставник Лу Дань предоставил выбрать один из двух вариантов: либо связаться с ним, Лу Данем, и помочь заполучить Фэн Мина, либо эта страшная тайна, что хранилась столько лет, будет раскрыта Жун Тяню.

Тот простой клоп Ань Хэ сейчас являлся Фэн Мином, любимым и неприкосновенным сокровищем Жун Тяня. А если тайна, что он пытался убить Ань Хэ, то есть Фэн Мина, дошла бы до ушей Жун Тяня, какой бы финал ждал его?

Тун-эр, конечно же, не мог выбрать явку с повинной и умереть. Ведь он являлся знатью, уважаемым человеком, выдающимся и таким молодым. Ну, а раз уже укорять себя за случившееся было поздно, то в таком случае нужно было доводить дело до конца. Хорошенько порассуждав, он написал Лу Даню ответное письмо, в котором согласился объединиться с господином советником, придумал хитрый план, как выманить и поймать любимого императором Фэн Мина, но только если Лу Дань пообещает никому не рассказывать его тайну.

Всё, затем одна искра — и пожар был необратим[11]. Теперь нынешнее положение ничем нельзя было поправить; на императорском ложе, где Жун Тянь когда-то спал мирным сном, он, Тун-эр, ночь за ночью видел кошмары, места себе не находил, чувствуя на душе тревогу. Из-за того плана самый коварный и красивый мужчина уже был мёртв, лишь он, единственный сообщник поневоле, который просто хотел защитить себя, остался в живых, но каждый прожитый день он мучился, боясь мести Жун Тяня.

Что это за веяния времени?

— Государь сожалеет? — вновь ещё тише спросил дядюшка Чжан.

На что Тун-эр холодно ответил:

— У этого государя есть ещё возможность сожалеть?

— Хорошо, что государь понимает. — Дядюшка Чжан внезапно зашёлся сильным кашлем,

болезненно сдавливающим грудь, и спустя долгое время слабо отозвался: — В этом императорском дворце каждый может сожалеть, вот только государю не свойственно раскаяние. Жун Тянь может пощадить кого угодно, но простит ли Вас, Ваше Величество?

Услышав это, Тун-эр кивнул:

— Я знаю. — Его глаза по-прежнему светились молодостью, но сейчас в них также таилось равнодушие, которого раньше не было.

— Есть ещё кое-что, что старый слуга хотел бы сказать государю.

— И что же?

— Это касаемо дурных снов государя…

— М?

— Придворные лекари постоянно выписывают лекарства, но эффекта от них нет, Ваш старый слуга считает, что это совершенно не похоже на болезнь.

Тун-эр, не так расслышав, хмуро спросил:

— Если это не болезнь, то что тогда?

— Возможно… кто-то пытается убить государя? Или напускает заклятие, либо яд…

— Кто осмелился на такую великую измену? — Тун-эр впал в ярость и, вскочив с постели, с мелькнувшей злостью в бездонных глазах презренно проговорил: — Они осмелились…

— Государю не стоит спешить, ведь это лишь предположение Вашего слуги…

В самый разгар их беседы на пороге появилось несколько служанок, что до этого ожидали снаружи, держа в руках чашу горячей воды, одежду и новые носки. Как только Тун-эр обратил на них внимание, яростно заорал:

— Кто позволил вам войти? Все выметайтесь прочь из опочивальни этого императора! Эй, кто-нибудь, всех, кто войдёт в опочивальню этого императора, выволакивайте и забивайте до смерти батогами! Где охрана? Кто-нибудь! Кто-нибудь!

Несколько служанок, на которых беда как с неба свалилась, затрепетали от страха, побросали вещи, что были в руках, и подползли к Тун-эру, слёзно моля:

— Государь, пощадите, государь, помилуйте! — Ну где уж ему слышать их мольбы?! Он яростно звал охрану, приказывая вытащить несчастных и забить до смерти палками.

Стоящий в стороне дядюшка Чжан тихо произнёс:

— Государь, к чему гневаться? Служанки бестолковые, всего несколько раз выпороть их и достаточно, а безрассудно забивать их палками, боюсь, ненависть зародится в императорском дворце.

На лице Тун-эра мелькнула тень сомнения, и, поразмыслив немного, молодой человек, яростно скрежеща зубами, зло спросил:

— Этому государю нельзя наказывать министров, неужели даже ничтожными служанками нельзя распорядиться? Служанки не более чем ничтожная вещь, не стоит из-за них так переживать. Да и то дело, о котором ты недавно упомянул, этот император считает весьма вероятным. — Лицо изменилось, а сам Тун-эр, понизив тон, добавил: — Дядюшка Чжан, этот император полностью доверяет лишь одну человеку — тебе, более того, дело касается жизни государя, поэтому Моё Величество поручает тебе лично пойти и всё выяснить.

После того, как его наделили серьёзными полномочиями, дядюшка Чжан всё же несколько помедлил и неспешно спросил:

— Разве Ваш старый слуга не должен обсудить это дело с генералом Туном?

— Не нужно, — произвольно перебив его, Тун-эр вздохнул. — С тех пор, как этот император решил объединиться с императором Ли против Жун Тяня, отношения с дядюшкой стали ещё более странными. Именно тогда, когда выпал редкий шанс неожиданно напасть на Жун Тяня, дядюшка лично вызвался отправиться в засаду, этот император уже чувствовал что-то неладное. И действительно, не только не удалось удачно напасть, но ещё понесли огромные потери. Вся армия была разгромлена, однако сам генерал живым и невредимым вернулся в Силэй, как такое возможно? По-моему, он изначально тайком с Жун Тянем… — неизвестно о чём подумав, Тун-эр внезапно прервался, не позволяя своим сомнениям, что роились в голове, слететь с уст.

Тун-эр сжал кулаки и, измерив шагами большую императорскую опочивальню, внезапно разжал пальцы, словно уже расслабился:

— Довольно, во всяком случае тебя это не касается, сначала разведай, почему этому императору снятся кошмары, а потом доложи мне. Если этому императору кто-то специально насылает страшные сны, то этот император непременно разорвёт его труп на десять тысяч частей. — И после паузы с лёгкой тревогой спросил: — Есть какие-нибудь новости о Жун Тяне?

— Нет.

— После того как Жун Тянь покинул сгоревший лагерь, сразу же затерялись его следы?

— Верно. — И дядюшка Чжан добавил: — Вот только мы уже действуем согласно указу государя: лишь наши люди разведают, сразу же отправят письмо, и мы узнаем, где находится Жун Тянь.

Помолчав какое-то время, Тун-эр внезапно обнажил тень страха на лице и дрожащим голосом сказал:

— Дядюшка Чжан, ты сказал, что он, возможно, уже пробрался в Сицинь?

— Государю не стоит бояться. — Дядюшка Чжан посмотрел на заметно испуганного Тун-эра, который в его глазах моментально превратился в того когда-то потерявшего мать ребёнка, отчего тусклые глаза потеплели, а сам мужчина невольно заговорил ласковым голосом, как тогда, когда укладывал этого ребёнка спать: — Государь является сыном принцессы Силэй, знатной крови правящего рода страны. К чему государю опасаться Жун Тяня, ведь Вы такой же, как и Жун Тянь, знать с императорской кровью в жилах. Жун Тянь воспротивился воле Неба и отказался жениться, к тому же втайне составил приказ о «Равной милости», тщетно пытаясь расшатать устои государства, поэтому даже правители прежних эпох изберут Вашу позицию, а не Жун Тяня.

Слушая утешающий тон мужчины, Тун-эр постепенно успокоился. Страх постепенно сошёл с лица, и, вновь вздохнув, юноша прошептал:

— Верно, даже правители прежних эпох не станут винить этого императора… — словно ребёнок, которого простили за совершённый проступок, Тун-эр почувствовал облегчение.

Через мгновение к нему вернулась тень прежнего своевольного, гордого и упрямого молодого господина Туна.

Доносящиеся снаружи крики служанок, что подверглись наказанию, постепенно стихли, и через какое-то время наблюдающий за наказанием охранник вошёл с докладом:

— Государь, служанки, что вторглись в опочивальню Вашего Величества, забиты до смерти батогами.

— Тела вытащите и закопайте, к чему лишние слова? — безразлично приказал юноша, обнажая шелковинку небрежной улыбки. — А вместо них прикажи выбрать несколько симпатичных слуг из простолюдинов. Погоди, чтобы сегодня вечером доставили ещё несколько милых юношей.

Милое личико, ясные глаза и нежное тело, может быть, помогут изгнать эти дурные сны.

— Распорядись, чтобы прибрались в покоях наследного принца, так как этот император

сегодня не хочет спать в опочивальне государя. Чего стоишь столбом? Ты всё ещё здесь?

— Слушаюсь! Слушаюсь! Повинуюсь приказу государя.

С опаской глядя на удаляющийся по делам силуэт слуги, Жун Тун изогнул губы в кривой ухмылке — покои наследного принца, сегодня он будет спать там, где сможет вдоволь излиться и выместить гнев на кротком и нежном теле.

Именно в покоях наследного принца Жун Тянь в те годы насиловал Ань Хэ, нет, Фэн Мина, этого проклятого князя Мина, брал, насильно вторгаясь в его обнажённое тело.

«Фэн Мин, ты вечный клоп, который уже давно должен был умереть. В будущем, если этот император тебя схватит, то несомненно запрёт в покоях наследного принца.

В том месте, где ты переживал счастливые моменты, этот император будет обращаться с тобой как с самой презренной распутной девкой, будет безжалостно брать, мучить, пока ты не станешь слёзно умолять, горестно умирая!

Как может один простой клоп получить всемирную любовь, восхищение и купаться в приветственных возгласах?

Ненавижу!»

Приложение:

[1] Оригинальная фраза звучит как «Я не прочь отведать и рыбы и медвежьей стопы. Но если одновременно невозможно отведать и того и другого, то я предпочту медвежью стопу, отказавшись от рыбы» и принадлежит Мэн-цзы (372 — 289 гг. до н. э., китайский философ, представитель конфуцианской традиции). Более того, с древних времён и по сей день медвежья лапа является деликатесом. Можно сравнить с русской пословицей «за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь».

[2] Река в Китае, одна из самых крупных в Азии.

[3] В оригинале фраза звучит как «семь вдоль, восемь поперёк», обр. в знач.: в полном беспорядке, вкривь и вкось, кое-как.

[4] В оригинале фраза звучит как «выжимать мозги», образ.: напрягать мозги, ломать голову (над чем-либо).

[5] Эта фраза означает: уклониться от привычного порядка; искать что-то новое; решать проблему непривычным способом; одержать победу неожиданной атакой. Более того, фраза почти идентична современной китайской идиоме «движение меча словно полёт дракона». Дело в том, что искусство владения мечом основывается на ловкости, предусмотрительности и атаке. Тот, кто изучает искусство меча, проворен, изыскан в движениях и применяет изумительные уловки, чтобы одержать победу.

[6] В оригинале фраза звучит как «давит на брови и ресницы», обр. в знач.: не терпеть отлагательств.

[7] В оригинале фраза звучит как «платье небожителей не имеет швов», обр. в знач.: совершенный, безупречный, без изъянов, идеальный.

[8] Обр. в знач.: отправиться в дальние края, пуститься в дальний путь.

[9] □□ (dàshì) переводится не только как «большое/важное дело», но и как «жертвоприношение» в ритуальном смысле.

[10] Обр. о бессердечном, злом, опасном человеке.

[11] Обр. в знач.: если начнётся, то уже не остановишь; стать неуправляемым, выйти из-под контроля.

http://bllate.org/book/13377/1190211